

БУДДИЙСКАЯ САНГХА В КАМБОДЖЕ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ: ПРОЦЕСС ВОЗРОЖДЕНИЯ.

Современное состояние буддийской сангхи в Камбодже определяется как совокупностью факторов политического, экономического и религиозного характера, так и историческим контекстом в целом.

В 1970-е годы сангха фактически была уничтожена, а религиозная инфраструктура подверглась серьезнейшим разрушениям. В ходе гражданской войны, вследствие массированных бомбардировок авиацией США территории Камбоджи, а также в результате четырехлетнего правления «красных кхмеров» погибло 25 тыс. монахов (более 40%)¹, в том числе 900 руководителей сангхи центрального и провинциального уровня². 200 буддийских иерархов были убиты «красными кхмерами» уже в первые две недели после захвата власти в апреле 1975 г. Сама сангха была упразднена как «носитель ложных религиозных взглядов», а монахи отправлены на «трудовое перевоспитание».

В этот период половина храмов была полностью уничтожена, остальные, занятые под склады, тюрьмы, казармы, находились в крайне запущенном состоянии. Буддийская скульптура, выполненная из драгоценных металлов, была разграблена, а из камня – разрушена. Монастырские архивы и библиотеки были сожжены. Из фондов Буддийского института в Пном Пене бесследно исчезло 30 тыс. религиозных книг и 4 тыс. буддийских рукописей³. Система религиозного образования была упразднена.

После образования Народной Республики Кампучия (1979–1989) буддийская сангха была восстановлена. Однако власти пытались ограничить ее статус ролью одной из общественных организаций, которая в рамках существовавшего авторитарного строя, должна была работать во благо будущих «социалистических идеалов».

Первые признаки оживления религиозной деятельности появились в Камбодже в 1989 г. в ходе процесса национального примирения. Знаковым событием стало публичное покаяние тогдашнего премьер-министра Государства Камбоджа⁴ – Хун Сена, который во время одного из официальных мероприятий в провинции Кампот встал на колени перед монахом и попросил прощения за то, «что правительство проводило ошибочный курс в отношении религии», подразумевая те многочисленные ограничения, которые накладывались на верующих и сангху в 1980-е гг.⁵ Затем последовало провозглашение буддизма государственной религией в 1990 г., возобновление с 1992 г. деятельности ежегодных Буддийских конгрессов, образование Министерства по делам культов и религий в 1993 г.

После восстановления монархии и образования в 1993 г. нового государства – Королевства Камбоджа, триада «нация–трон–религия» была объявлена главной идеологической установкой, закреплённой в конституции. Сам факт реставрации монархии косвенно свидетельствовал о возрождении буддизма, так как в кхмерской политической традиции монархический принцип неотделим от буддийского мировоззрения, важным компонентом которого остается концепция «праведного царя». Буддизм всегда составлял ценностную основу кхмерской монархии. Неслучайно в заявлении о принципах политики королевского правительства Камбоджи, в частности, отмечалось: «Кхмерский буддизм служит во благо укрепления основ королевской власти»⁶.

Политическая стабилизация и экономический рост, начавшиеся в 1990-е гг., благоприятно повлияли на религиозную сферу, вызвав к жизни своеобразный буддийский ренессанс, который продолжается вот уже в течение двух последних десятилетий. Причем он проходил на фоне масштабной трансформации камбоджийского общества – перехода его от плановой экономики к рыночной и от авторитарного режима к более демократичному политическому строю. Смена вех политического и экономического развития, стремительное открытие страны внешнему миру и западной культуре, внедрение новых форм жизнеустройства вызвали особую потребность в обращении к религии, традиционно помогавшей кхмерам сохранить психо-

логическую устойчивость и социальную гармонию в эпоху перемен, а обществу в целом стабильность и национальную самобытность. Из века в век религиозные ценности в Камбодже пронизывали все сферы жизни – политику, идеологию, экономику и социальную структуру. Соответственно, значительные перемены в общественно-политическом и экономическом контексте не могли не отразиться и на самих религиозных ценностях, носителем которых в обществе является буддийская сангха.

Возрождение сангхи, в первую очередь, нашло отражение в ее численном росте и укреплении монастырского хозяйства. С 1989 г. по 2011 г. численность монашества в Камбодже увеличилась более чем в 7 раз – с 8 до 59,8 тыс. человек. За двадцать лет в стране было отремонтировано 1 тыс. монастырей и построено 1600 новых – в среднем, 80 монастырей в год, что в три раза больше чем в довоенное время. Общее количество монастырей выросло в 1,5 раза – с 2,8 до 4,4 тыс. Один монастырь приходится, в среднем, на 3,1 тыс. верующих.

Существенные изменения произошли в возрастном составе сангхи. Если в 1960-е гг. в ней преобладали представители старшего поколения, то в настоящее время опытные, пожилые монахи со значительным стажем пребывания в монастыре, считающиеся оплотом религиозной традиции и моральных принципов, составляют лишь малый сегмент сангхи – около 1/5 ее членов. Остальные 4/5 – это молодые люди в возрасте до 30 лет, в основном выходцы из бедных крестьянских семей. Буддийская община дает им некоторую гарантию существования в чисто материальном плане, а также обеспечивает прочную социальную защищенность. К тому же сакральный статус морально компенсирует экономическую «приниженность», способствуя социальному самоутверждению.

Молодых монахов можно условно разделить на две категории, которые всегда существовали в сангхе: тех, кто уходит в монастырь в соответствии с традицией, и тех, кто рассматривает пребывание в монастыре как единственную возможность получить бесплатное образование и повысить свой социальный статус. В прежние времена преобладали первые, в настоящее время таких немного, срок их монашеской жизни составляет от

1 года до 3 лет. Вторых ныне подавляющее большинство. Длительность их пребывания в монастыре колеблется от 7 до 15 лет, в зависимости от того, насколько качественное образование они хотят получить.

Как правило, по окончании учебы монахи намереваются покинуть сангху и уйти в мир. Если в 1960-е гг. большая часть молодых монахов по выходе из монастыря желала вернуться к крестьянскому труду, то в настоящее время, как показывают данные полевых исследований, монахи связывают свои планы будущей мирской жизни чаще всего с работой в неправительственных организациях, с преподавательской и политической деятельностью, а также бизнесом.⁷ При этом монахи, как правило, стараются дать «буддийское» обоснование подобному выбору. В их мотивах всегда присутствует забота о людях: так, выбор бизнеса определяется намерением «создать рабочие места», уход в политику – стремлением «бороться с коррупцией», работа в НПО – желанием «помогать в решении социальных проблем»⁸ и т.д. Таким образом, сангха становится важным каналом миграции выходцев из крестьянских семей в город, где они оседают, покинув монастырь. Как показывает практика, далеко не все экс-монахи достигают своих целей, но почти все, так или иначе, получают определенные дополнительные возможности для успеха в миру.

Численность монашества в отдельных монастырях варьируется от десятка до нескольких сот. Самый малочисленный монастырь в Пном Пене – Пройюровонг насчитывает всего 6 монахов⁹. В то же время крупные столичные монастыри, например, Ботумваутдей, Онналоум, Ланка, Саравонтеда, Мохамонтрей, переполнены, там обитают от 300 до 400 монахов. В таких монастырях рядовым монахам трудно прокормиться, так как пищи, которая готовится в храме, на всех не хватает, и они вынуждены тратить на еду те небольшие деньги, которые им присылают из дома (почти все они – 99% – родом из провинций) или ходить за подаянием по окрестным домам.

Если раньше в основе выбора монахами того или иного монастыря лежала степень его известности и авторитета, которые подразумевали всю совокупность религиозной традиции – древность храма, собрание религиозных текстов и буддийских

реликвий, наличие известных монахов-учителей, то в 1990-е почти все эти критерии утратили свою актуальность, так как большая часть монастырской инфраструктуры была уничтожена. За исключением трех– четырех десятков наиболее известных монастырей история основания обителей оказалась в полном забвении, поскольку вся монастырская документация была сожжена. Даже вопрос о времени строительства того или иного монастыря, как правило, ставит в тупик его обитателей. В 2010 г. Министерство по делам культов и религий разработало рассчитанную на пять лет программу по восстановлению истории, по меньшей мере, 70% монастырей. Однако сотрудники министерства сами же признают сложность ее реализации, поскольку «документы отсутствуют, а очевидцы – умерли»¹⁰.

В настоящее время выбор монастыря определяется причинами чисто прагматического характера, прежде всего, наличием в нем или поблизости учебных заведений для монахов. Как правило, церемонию ординации молодой человек проходит в монастыре недалеко от родного дома, чтобы родственникам было удобнее его навещать, а ему, в свою очередь, легче привыкнуть к монашеской жизни. Однако впоследствии он уходит в тот, чаще всего городской монастырь, где есть возможность получить приличное образование. В монастырях, даже достаточно богатых, в случае отсутствия собственного учебного заведения численность монахов обычно не превышает двух – трех десятков человек.

Правда, само понятие «богатый монастырь» за последние годы претерпело существенные изменения. В настоящее время оно нередко подразумевает лишь внешний блеск монастырских зданий. В условиях экономического роста, наблюдающегося в Камбодже в последнее десятилетие, и появления местных нуворишей огромные денежные средства жертвуются представителями политической и бизнес-элиты на строительство новых монастырей, так как именно храмовое строительство, согласно кхмерской религиозной традиции, приносит наибольшее количество религиозных заслуг. Религиозная заслуга – *бон* – это тот ценностный критерий, который по-прежнему служит для основной массы камбоджийского населения важным средством идентификации себя и других, определения своего статуса в

социальной иерархии, структурирования общественного поведения в целом. Проще говоря, чем большими религиозными заслугами обладает кхмер, тем более высокое место уготовлено ему в традиционной иерархии.

Существенный рост пожертвований на храмовое строительство нередко приводит к тому, что в провинциальных монастырях древние, небольшие по размеру вихары, имеющие историческую ценность, сносят, чтобы на их месте возвести более помпезные сооружения¹¹. Храмы, построенные на деньги местной элиты, как правило, имеют внушительные размеры, богатое внешнее убранство и обильный декор, что является дополнительной демонстрацией высокого социального статуса дарителя. В народе их прозвали «*вуат сетхей*» – «монастыри-богачи». «Там даже подсобные помещения выложены золотом», – говорят, посмеиваясь по этому поводу, рядовые камбоджийцы¹². Однако средств на строительство школы, библиотеки и келий для монахов в таких храмах уже не остается.

Гигантские размеры и внешняя роскошь многих современных храмов вызывают раздражение у старшего поколения камбоджийцев, в памяти которых живы воспоминания о храмовой архитектуре 60-х годов прошлого века. Они с горечью говорят о забвении культурных национальных стандартов, о «кричащем стиле» новоделов, противоречащем кхмерской религиозной традиции, для которой характерны одноэтажные храмы, отдельные конструкции которых традиционно выполнены из дерева, окрашенные в мягкие приглушенные тона, со скромным, внутренним убранством¹³.

Министерство по делам культов и религий совместно с Министерством культуры неоднократно выпускало циркуляры, призывающие строить храмы, соответствующие национальной, религиозной традиции. Однако сами чиновники не скрывают, что едва ли содержание данных предписаний известно кому-либо за стенами их министерств¹⁴.

Стремительный рост численности монастырей выявил проблему дефицита подготовленных монашеских кадров, особенно руководящего состава. В результате многие храмы возглавляются слабо разбирающимися в буддийском учении, плохо знакомыми со своими обязанностями и малоавторитетными

у мирян настоятелями¹⁵, а некоторые монастыри и вовсе остались без них. По мнению сотрудников Министерства по делам культов и религий, «в стране строится слишком много монастырей, и лучше, чтобы затрачиваемые на это денежные средства направлялись бы на другие, насущные нужды буддийской сангхи»¹⁶.

К их числу следует, в первую очередь, отнести улучшение качества религиозного образования и восстановление интеллектуального потенциала сангхи. В 1990 г. в стране после 20-летнего перерыва были открыты первые религиозные учебные заведения – школы пали. Постепенно была восстановлена и вся система религиозного образования. Она включает четыре ступени: начальную (3 года), неполную среднюю (3 года), полную среднюю (3 года) и высшую (4+2 года). Высшая школа представлена двумя Буддийскими Университетами, которые имеют филиалы в трех провинциях¹⁷. В 2010 г. в стране функционировало 1370 буддийских учебных заведений разного уровня, в которых обучалось 30 тыс. монахов¹⁸. Деятельность буддийских учебных заведений находится под двойным контролем – Министерства по делам культов и религий и инспекции сангхи.

Несмотря на весьма позитивные количественные показатели, в сфере религиозного образования остается множество нерешенных проблем. В первую очередь, это касается качества образования. И чиновники, и монахи, признавая, что оно остается низким, главные причины этого видят в острой нехватке квалифицированных педагогических кадров, особенно для начальной и средней школы, а также крайне низкой оплате преподавательского труда. Так, студенты школы пали II-ой ступени монастыря Свай Донгкум (Пном Пень) откровенно жаловались: «Как преподаватель может качественно учить, если на его зарплату в 35–45 долларов невозможно прожить? Он вынужден работать в 3–4 местах, ему некогда готовиться к занятиям, он откровенно халтурит»¹⁹. Студенты Буддийского Университета имени Н.Сианука также сетуют на недостаточное финансирование: «На развитие образования государство тратит ничтожно мало денег. В Университете не хватает профессоров, учебных материалов. Все деньги уходят на строительство новых монастырей. Их теперь намного больше, чем при Н.Сиануке. Зачем

столько, когда нет образованных монахов?»²⁰ Однако в большинстве своем они отмечают, что в последние 2 – 3 года и министерство по делам культов и религий, и руководство сангхи стали уделять гораздо больше внимания проблеме подготовки кадров. По словам Бынг Кена, одного из помощников главы никаи²¹ Тхаммаютики Буо Кри, подготовка высоко образованных монахов является приоритетной для руководства сангхи, в частности, для самого Буо Кри, который чрезвычайно внимательно относится к подбору и профессорского состава, и рядовых преподавателей, работающих в Буддийском Университете имени Сурамарита²². Однако, как отмечает Бынг Кен, проблема сложнее: «Дело не только в преподавателях, но и в студентах. Важное значение имеет то, насколько сам монах мотивирован на получение качественного образования, как он готовится к занятиям. А это, в свою очередь, во многом зависит от настоятеля монастыря, от того, как он выполняет обязанности по воспитанию монахов»²³. Справедливость этих слов подтверждают и сами монахи, и данные полевых исследований. Так, к примеру, монахи из монастыря Преах Пут Миен Бон (Пном Пень) признаются: «У нас весь день расписан по минутам. Много времени приходится тратить на подготовку к занятиям в школе. Наш настоятель очень строго следит за успеваемостью. Его жизненный девиз: “Если ты монах, ты обязан учиться”»²⁴. Данные полевых исследований, проведенных в 2004–

2005 гг. в деревенских храмах ряда провинций страны, свидетельствуют о том, что в тех из них, где настоятели не контролируют учебный процесс, монахи подходят к учебе формально, на экзаменах обманывают преподавателей – списывают и демонстрируют низкое качество знаний²⁵.

Первоначально в 1990-е годы за основу программ обучения в системе религиозного образования были взяты учебные планы 1960-х гг. Однако впоследствии произошла их существенная корректировка с учетом потребностей сегодняшнего дня. В настоящее время наряду с кхмерским, пали, санскритом и буддийской философией, которые являются обязательными на всех ступенях образовательного цикла, монахи изучают много светских дисциплин. Причем в их числе не только традиционные – история, география, математика, литература, но и

такие новые предметы, как экология, основы права, глобальные процессы. Обязательным для монахов стало изучение английского языка²⁶.

Всячески поощряя стремление членов сангхи к получению полноценного образования, государство предоставило им право учиться в любом высшем учебном заведении, в том числе и во всех светских. Однако, если обучение в Буддийских Университетах для монахов бесплатное, то в светских учебных заведениях они, как и другие студенты, должны оплачивать учебу. Правда, им предоставляется скидка до 30%²⁷. Этим нередко пользуются семьи с невысоким достатком, которые отправляют юношей в сангху, чтобы иметь монашескую скидку в оплате учебы. Так, монах из монастыря Преах Пут Миен Бон признается: «Я совсем не хотел идти в монахи. Знаю – не мое это дело. Но родители настаивали, и я не мог их послушаться. Я хочу получить экономическое образование и заняться бизнесом. Со скидкой в 30% родителям будет легче оплатить учебу. Да к тому же, пока я в монастыре, они экономят на моем жилье, одежде и питании»²⁸. Ему вторит монах из монастыря Ботумвуатдей: «Я изучаю менеджмент в частном университете. За меня платят родители. Стоимость обучения для меня на 100 долл. ниже, чем для остальных. Мне осталось учиться еще два года. Уйду из монастыря на следующий день после сдачи выпускных экзаменов»²⁹.

Подобная практика вызывает неоднозначное отношение в обществе. Нередко старшее поколение камбоджийцев сетует, что «монашеская скидка» плодит «прагматичных, равнодушных и корыстных монахов», тем самым, усиливая негативные явления в сангхе. Однако, многие не разделяют этой точки зрения, считая, что за годы, проведенные в монастыре даже ради получения льгот, молодой человек привыкает к дисциплине и порядку, знакомится с основами национальной религиозной традиции, которая постепенно становится гармоничным элементом его самосознания. Кхмерская пресса пишет о том, что «монашеская скидка» – акт политический, так как правительство заинтересовано в поддержке со стороны молодого монашества, обычно подверженного разного рода критическим настроениям в отношении властей³⁰.

Отмечая низкий образовательный уровень современного духовенства, не следует забывать, что и в период процветания сангхи в 1960-е годы рядовое монашество не блистало знаниями. Однако при этом руководство сангхи было представлено высокообразованными монахами, крупнейшими знатоками пали, санскрита, буддийской канонической литературы, а также национального языка и литературы. Одним из наиболее видных представителей этой когорты, фактически канонизированным в настоящее время, являлся глава секты Маханикая Чуон Нат (1883–1969), полиглот, доктор филологических наук, президент Камбоджийской Академии наук, автор более двух десятков книг, в том числе первого, ставшего уже классическим, толкового словаря кхмерского языка. Монахов подобного уровня, которые составляли «ученую элиту» сангхи и формировали ее интеллектуальный климат, насчитывалось не менее четырех десятков человек. Их энциклопедические знания, высокие моральные качества, почтенный возраст – все это вместе служило солидной основой их непререкаемого авторитета и глубокого уважения, которым они пользовались во всех слоях кхмерского общества.

По общему мнению, фигур такого масштаба в сангхе сейчас нет. Так, монахи из монастыря Монкульвуан (Пном Пень), которые изучают религиозные произведения Чуон Ната, приходят к выводу: «В наши дни в сангхе не найти монахов, которые могли бы писать философские трактаты, комментировать канонические тексты, да и просто научно изложить историю буддизма в Камбодже. Мы пользуемся трудами, написанными еще в 1950 – 1960-е годы. Наверное, должно пройти еще какое-то время, чтобы в общине появились выдающиеся умы»³¹. Монахи из монастыря Пройюровонг затрагивают еще один аспект этой проблемы. «В прежние времена, – отмечают они, – возраст монаха влиял на степень его учености. Пожилой монах, как правило, был опытным, т.е. знающим, с религиозной точки зрения, человеком. Но сейчас молодые монахи часто более образованны, чем даже руководители сангхи. Ведь мало кто из руководства имеет высшее образование. А многие молодые монахи уже закончили Буддийский университет. Молодым монахам и без того не всегда легко понять пожилых, а разница в

образовании может еще больше усугубить это непонимание»³². Монахи монастыря Свай Донкум в качестве потенциального интеллектуального лидера называют своего настоятеля: «Мы гордимся нашим настоятелем. Он – очень знающий человек. Сейчас он заканчивает свою диссертацию. В сангхе еще нет монахов с ученой степенью, но высокообразованные монахи среднего возраста уже появились, хотя они пока не заявили о себе публично»³³.

Знаковыми событиями для духовного возрождения кхмерской сангхи стало возобновление работы Буддийского института – старейшего научно-исследовательского института страны, а также начало издания научно-религиозного журнала «Кампуть Сорейя».

С начала 1990-х годов руководство сангхи в качестве одного из приоритетов своей деятельности декларировало распространение принципов буддийской морали и нравственности, что особенно важно в обществе, где в течение нескольких десятилетий насилие было нормой жизни. Однако, по общему мнению, с этой задачей монашество пока не справляется. Молодой по возрасту состав сангхи, слабая мотивированность и низкая образованность монахов, профессиональная несостоятельность настоятелей монастырей, а также все возрастающие соблазны мирской жизни крайне негативно влияют на порядок и состояние религиозной дисциплины внутри монашеской общины. Если раньше о кхмерских монахах писали, что они «тихие, трезвые, скромные и робкие»³⁴, то в последние годы все чаще достоянием гласности становятся шокирующие случаи нарушения общественного порядка молодыми членами сангхи. Так, в 2009 г. 20 монахов были лишены сана за различные правонарушения, в том числе пьянство, драки, разбой. Апофеозом морального разложения части монашества стало убийство, совершенное двумя не трезвыми монахами из столичного монастыря Стунгмеанчей, которые забили насмерть студента-медика, сделавшего им замечание о неподобающем поведении³⁵.

Это потрясшее камбоджийцев преступление стало поводом для серьезного разговора в обществе о проблемах буддийской сангхи. В комментариях кхмерской прессы особо отмеча-

лось, что монахи–убийцы уже несколько лет носили духовный сан. «Как и чему их обучали в монастыре – задавалась вопросом газета «Кампучия Тхмей» – если в течение пяти лет они так и не усвоили первую и главную заповедь буддизма “не убий” ?»³⁶ Реакция главы сангхи Камбоджи Теп Вонга была быстрой и недвусмысленной. Он заявил: «Убийство – тягчайшее преступление по нормам буддизма. Эти молодые люди должны немедленно покинуть сангху, предстать перед судом и понести суровое наказание»³⁷. Теп Вонг пообещал, что руководство сангхи существенно ужесточит контроль за поведением монахов.

Представители творческой интеллигенции и ряда неправительственных организаций обратились к властям с призывом к незамедлительному принятию мер по укреплению дисциплины в сангхе. Они заявили, что «правонарушения среди монахов серьезно подрывают престиж сангхи и позиции буддийской религии в обществе»³⁸.

Вопрос монашеской дисциплины стал центральным в повестке XVIII-го Всекамбоджийского буддийского конгресса (2009 г.). В своем выступлении председатель сената Чеа Сим заявил, что в обществе растет недоверие к сангхе, так как монахи не соблюдают морально-этические предписания буддизма и перестали быть в глазах населения «образчиками буддийской нравственности». В то же время, подчеркнул он, власть видит главную задачу сангхи «в том, чтобы глубоко укоренить в обществе буддийскую мораль, так как приверженность принципам ненасилия, терпимости, миролюбия помогает сохранить политическую стабильность и мир в стране»³⁹.

Однако 2010 г. вновь ознаменовался серьезными правонарушениями со стороны монахов. Так, к 17 годам тюремного заключения был приговорен бывший монах столичного монастыря Срах Чак, который тайно снимал на видео обнаженных женщин в общественной бане и распространял эти снимки среди монахов⁴⁰. В ноябре 2010 г. 10 монахов из монастыря Ланка города Сием Реапа были лишены сана за нарушение введенного руководством сангхи запрета покидать территорию монастыря во время «Праздника Воды»⁴¹. Нарушители, не желая привлекать к себе внимание, переоделись в светскую одежду и бурно отпраздновали торжество, потребляя спиртные напитки в

компании женщин легкого поведения. В их кельях были обнаружены комплекты светской одежды, порнографические журналы, игральные карты. В ходе расследования местные жители жаловались представителям властей на настоятеля монастыря, который, по их словам, совершенно распустил монахов. «Мы стали реже посещать этот храм, – признавались жители окрестных домов – нам не нравится поведение его обитателей. Монахи часто выпивают, к ним ходят девушки, поздно вечером из келий доносится веселая музыка»⁴².

Выступая в январе 2011 г. на XIX Всекамбоджийском буддийском конгрессе, министр по делам культов и религий Мин Кхин заявил: «В ближайшее время мы планируем осуществить серию реформ в сангхе, как организационного, так и качественного характера. Они, в частности, предполагают укрепление административной структуры сангхи, прежде всего на монастырском уровне, улучшение кадрового состава настоятелей, усиление контроля за процессом обучения монахов и повышения уровня богословской подготовки монашества». Результатом этих реформ должно, в первую очередь, стать укрепление дисциплины внутри сангхи, что, по мнению министра, является важнейшим условием сохранения авторитета буддийской общины в обществе⁴³.

Однако в частных беседах сотрудники министерства выражают сомнение в успехе намеченных реформ, поскольку многие правонарушения в сангхе рассматриваются ими как «неизбежное зло», порожденное объективным процессом глобализации. «Прежде, – говорит сотрудник Буддийского Института доктор Миех Пон, – мы вообще не слышали о пьянстве в сангхе, а теперь это – распространенное явление. Правда, в Камбодже никогда раньше не было столько ресторанов, баров, магазинов, торгующих спиртными напитками⁴⁴. Это – одно из проявлений глобализации и влияния западного образа жизни. А молодежь особенно подвержена внешнему воздействию и весьма податлива на соблазны мирской жизни»⁴⁵.

Действительно, облик камбоджийского общества стремительно меняется и сложность для сангхи заключается в том, что, трансформируясь в соответствии с этими переменами, она должна сохранить свой традиционный сакральный статус. В

соответствии с ним жизнь монаха – это наглядный пример мироотказа, целенаправленная реализация формулы праведности. Однако следовать данной формуле в современных условиях крайне сложно, особенно обитателям городских монастырей. Крупные столичные монастыри располагаются в самом центре Пном Пеня, в гуще новой жизни. Здесь не существует «символической дистанции», традиционно отделяющей монастырь от деревни в сельской местности. Монахи ходят по улицам, ездят на городском транспорте, учатся вместе с мирянами в высших учебных заведениях, общаются с туристами, т.е. активно вовлекаются в современную жизнь социума. По мнению российского буддолога А.Агаджаняна, явный крен в сторону обмирщения сангхи наблюдается во всех странах тхеравадского буддизма⁴⁶.

Впрочем, вопрос чистоты рядов монашества и строгости монашеских нравов не нов, он регулярно поднимался и светской властью и буддийскими иерархами во все времена на протяжении всего многовекового существования сангхи, так как в реальности кхмерское монашество никогда не служило образцом непогрешимости. В странах тхеравадского буддизма путь борьбы с непомерно обмирщенной сангхой за дисциплинарную чистоту нередко лежал через образование новых сект. Так, к примеру, чтобы сохранить пуризм канонических норм монашеской аскезы среди духовенства, король Нородом создал в 1864 г. новую никаю – Тхаммаютику, которая в отличие от существовавшей в стране Маханикаи, придерживалась более строгого дисциплинарного устава. Следует признать, что Тхаммаютике удавалось поддерживать высокий уровень монашеской дисциплины в течение всего XX в. Ее малочисленность, сконцентрированность монастырей в центральных провинциях и мощная финансовая база (она обслуживала королевский дом) позволяли иерархам секты наладить действенный контроль за рядовыми монахами. Деятельность такой канонически строгой никаи приобретает особую значимость для поддержания религиозной традиции в период бурных социальных перемен.

Датой официального восстановления⁴⁷ Тхаммаютики считается декабрь 1991 г., когда в Камбоджу из Франции вернулся

Буо Кри – настоятель буддийского монастыря Кхемарарам,⁴⁸ сыгравшего важную роль в религиозной жизни кхмерской общины во Франции. Именно в этом монастыре под руководством Буо Кри некоторое время провел в качестве монаха будущий король Камбоджи Нородом Сиамони⁴⁹. Буо Кри и возглавил Тхаммаютику.

С ее возвращением в сангхе возникли серьезные проблемы организационного характера, породившие множество конфликтов. Тхаммаютика пыталась вернуть себе свои бывшие монастыри. По признанию Бынг Кена, самые богатые монастыри секты были сосредоточены именно в столице: «Когда мы вернулись, все они были уже заняты монахами Маханикаи. Много усилий к возвращению нашего монастырского имущества приложил лично Н.Сианук, который после коронации стал патроном буддийской сангхи. Он пытался отстоять права секты, которая была тесно связана с его семьей»⁵⁰. Особенно это касалось главного столичного монастыря Ботумвуатдей, ставшего в 1866 г. резиденцией главы Тхаммаютики⁵¹. Однако тяжба за монастырь была ею проиграна. Огромная территория и все храмовые постройки остались в распоряжении Маханикаи. Таким образом, к своему главному столичному монастырю Онналоум она добавила еще и Ботумвуатдей, который стал резиденцией второго по рангу иерарха Маханикаи. Однако монахи Тхаммаютики не хотели отступать, так как монастырь Ботумвуатдей олицетворял собой начало их деятельности в столице. К тому же, само расположение монастыря – напротив Королевского дворца – символизировало тесную связь Тхаммаютики как с институтом монархической власти, так и с монаршей семьей. Чтобы как-то погасить конфликт, власти выделили секте небольшое двухэтажное здание, примыкающее к ограде монастыря, которое и стало резиденцией Буо Кри. Однако на фоне новых весьма внушительных храмовых сооружений, возведенных в последние годы монахами Маханикаи на территории монастыря, резиденция Буо Кри выглядит довольно убого, свидетельствуя о маргинальном положении Тхаммаютики. Особенно серьезно ее позиции были подорваны именно в столице, где ей удалось вернуть лишь один монастырь – Свай Попэ. Численность столичных монахов секты не превышает 120 человек.

Ситуация в провинциях была еще сложнее, там борьба за монастыри и храмовое имущество продолжалась достаточно длительный период времени. В 2010 г. Тхаммаютике принадлежало 160 монастырей (3,6%), и она объединяла 2,5 тыс. монахов (4%)⁵². В целом численное соотношение монахов и монастырей двух никак примерно соответствует уровню первой половины XX в. Однако, если Тхаммаютика за двадцать лет все же как-то сумела восстановить свою численность и монастырское хозяйство, то прежнее довольно влиятельное положение и авторитет в обществе ей вернуть не удалось. Современное положение секты исчерпывающе точно определил монах из монастыря Проиюронг, заявив: «Присутствие Тхаммаютики почти совсем не ощущается в кхмерском обществе»⁵³.

Подобная ситуация объясняется не столько религиозными, сколько политическими причинами. Стремление руководства Маханикаи не допустить возрождения религиозного авторитета Тхаммаютики было поддержано правящей элитой в лице премьер-министра Хун Сена и его окружения, которые изначально сделали ставку на массовую секту Маханикаю с целью превращения ее в своего стратегического партнера в борьбе за электорат. Мощнейший государственный патронаж (финансовый, политический, информационный) Маханикаи позволяет ей сохранять статус «монопольного хранителя» буддийских ценностей в Камбодже.

Ущемленное положение Тхаммаютики усугубляется ранее упоминавшимся низким образовательным уровнем рядового духовенства. В 1960-е гг. монахи неплохо знали религиозную историю своей страны и реформы XIX в. как ее составную часть. В наше время большинство из них едва ли владеет даже элементарной информацией об историческом и религиозном контексте формирования Тхаммаютики. Вследствие этого, за сектой закрепилось клеймо «просиамской»⁵⁴.

Процесс маргинализации Тхаммаютики едва ли пошел на пользу кхмерскому духовенству. В условиях нарастающего в обществе недовольства падением дисциплины в сангхе эта никакая могла бы стать символом «очищения» монашества – тем «идеальным» сегментом общины, который в прежние века традиционно присутствовал в сангхе, являясь своеобразным меха-

низмом ее саморегуляции. В то же время дебаты между сектами по вопросам канона, дисциплинарного устава и «социальной ангажированности» монашества способствовали бы усилению интеллектуального потенциала и возвращению культуры религиозных диспутов.

В XXI в. в камбоджийском обществе получили достаточно широкое распространение идеи плюрализма. Религиозное «единообразие» едва ли можно считать эффективным ответом на небывалую сегментированность экономического и политического пространства. Разные слои кхмерского общества испытывают потребность в различных формах духовного окормления. Именно многообразии духовной жизни сангхи, поддерживаемое, в частности, и традиционной внутренней дисперсностью, способно помочь процессу ее возрождения и обеспечить ее жизнестойкость в условиях глобализирующегося мира.

¹ К 1970 г. в стране насчитывалось около 60 тыс. монахов и 3 тыс. монастырей. Сангха была представлена двумя никаями – массовой Маханикаей и немногочисленной, элитарной, обслуживающей королевскую семью, – Тхаммаютикой.

² В настоящее время отсутствует единая точка зрения относительно численности монахов, погибших при «красных кхмерах». Приведенные нами данные – это официальная статистика Министерства по делам религий. См.: Sou Ketya, Hean Sokhom, Hun Thirith. *The ordination Ceremony of Buddhist Monks in Cambodia: Past and Present*. Phnom Penh, 2005. P.28; Пном Пень Пост. 05.11.2010 (на кхмерском языке).

Английский ученый Иан Харрис, занимавшийся исследованием буддийской сангхи в Камбодже при Пол Поте, считает более достоверной цифру в 12,5 тыс. Harris I. *Buddhism under Pol Pot*. Phnom Penh, 2007. P. 219, 222, 227.

³ Harris I. *Op. Cit.* P. 169.

⁴ В 1989 г. Народная Республика Кампучия была переименована в Государство Камбоджа, которое просуществовало до сентября 1993 г., когда в результате всеобщих выборов было образовано новое государство – Королевство Камбоджа.

⁵ Водано Сопхан. *История кхмерского буддизма*. Пном Пень. 2005 (на кхмерском языке).

⁶ Заявление о принципах политики королевского правительства Камбоджи. Пном Пень. 1993. С. 1. (на кхмерс.яз).

⁷ См.: Sou Ketya, Hean Sokhom, Hun Thirith. *Op. Cit.*

⁸ Полевые исследования автора, ноябрь 2010.

⁹ Столь малая численность монахов объясняется тем, что им просто негде жить, так как вся территория, принадлежащая монастырю, была захвачена в 1980-е гг. городской беднотой, соорудившей себе жилища вплотную с вихарой, не оставив ни клочка земли для монашеских келий. Настоятель монастыря, понимая бедственное положение этих людей, не хочет вести с ними борьбу за возврат монастырской земли.

¹⁰ Phnom Penh Post. 03.11.2010.

¹¹ Pong Pheakdey Boramy. *The Practice of Cambodian Buddhism before the 1970 and Today. A Comparative Case Study of Tep Pranam Pagoda.* Phnom Penh., 2004. P. 59,60.

¹² Ibid.

¹³ Kent A. Purchasing power and pagodas: The Sima monastic boundary and consumer politics in Cambodia. // *Journal of Southeast Asian Studies*, N 38, 2007. P. 344.

¹⁴ Sou Ketya, Hean Sokhom, Hun Thirith. *Op. Cit.* P.32. Pong Pheakdey Boramy. *Op. Cit.* P.60.

¹⁵ См.: Pong Pheakdey Boramy. *Op. Cit.*

¹⁶ Ledgerwood J. *Buddhist Practice in Rural Kandal Province, 1960 and 2003.* // *People of Virtue.* Ed. Kent A. And Chandler D. Copenhagen. 2008. P.159.

¹⁷ Филиалы имеются в провинциях Кампонг Чам, Кампонг Чхнанг, Баттамбанг.

¹⁸ Данные Министерство по делам культов и религий. // www.mosar.gov.kh Обращение 07.12.2010.

¹⁹ Интервью автора 19.11.2010.

²⁰ Интервью автора 19.11.2010.

²¹ Никая – подразделение сангхи, в религиоведческой литературе часто обозначаемое словом «секта». Подробнее о терминах «никая» и «секта» см.: Сафронова А.Л. Буддизм в историко-культурной традиции Шри Ланки. М. 2005. С. 65, 116-117, 120.

²² Буддийский Университет имени Сурамарита находится на территории монастыря Свай Попэ, принадлежащего Тхаммаютике.

²³ Интервью автора 20.11.2010.

²⁴ Интервью автора 22.11.2010.

²⁵ См.: Pong Pheakdey Boramy. *Op. Cit.* P. 50-51.

²⁶ Молодые монахи охотно вступают в беседу с иностранцами, стремясь попрактиковаться в английском языке.

²⁷ В большинстве светских учебных заведений стоимость обучения составляет около 500 долл. в год, а средняя месячная зарплата – 70-80 долл.

²⁸ Интервью автора 22. 11.2010.

- ²⁹ Интервью автора 13.11.2010.
- ³⁰ См.: Нокорвуат, Кампучия Тхмей (на кхмер. яз.).
- ³¹ Интервью автора 19.11.2010.
- ³² Интервью автора 13.11.2010
- ³³ Интервью автора 19.11.2010.
- ³⁴ Moura J. *Le Rouyame du Cambodge*. P., 1883. P. 200.
- ³⁵ Phnom Penh Post. 30.10.2009.
- ³⁶ Кампучия Тхмей. 01.11.2009 (на кхмер. яз.).
- ³⁷ Ibid.
- ³⁸ Пном Пень Пост 30.10.2009 (на кхмер. яз.).
- ³⁹ Phnom Penh Post. 30.12.2009.
- ⁴⁰ Phnom Penh Post. 05.01.2011.
- ⁴¹ Празднуется в ноябре, посвящен повороту вод реки Тонлесап. Главным мероприятием являются лодочные гонки. «Праздник воды» традиционно привлекает большое количество туристов.
- ⁴² Расмей Кампучия. 23.11.2010, Нокорвуат. 23.11.2010 (на кхмер. яз.).
- ⁴³ Пном Пень Пост. 05.01.2011. (на кхмер. яз.).
- ⁴⁴ В 1960 – 1970-е годы в стране запрещалось продавать алкогольные напитки на 8 и 15 день убывающей и прибывающей луны, которые считаются священными днями и требуют особо строгого соблюдения буддийских предписаний.
- ⁴⁵ Интервью автора 23.11.2010.
- ⁴⁶ Агаджанян А.С. Буддийский путь в XX веке. М., 1993. С. 74-76.
- ⁴⁷ В период существования НРК Тхаммаютика была запрещена как «антинародная, роялистская» секта.
- ⁴⁸ С 1980 по 1985 гг. религиозные службы проходили в обычной квартире. В 1985 г. кхмерской общиной в пригородах Парижа был построен монастырь Кхемарарам, который получал солидную финансовую поддержку от семьи Н.Сианука и части богатых кхмерских эмигрантов, осевших во Франции в 1970-е гг. См.: Kalab M. *Cambodian Buddhist Monasteries in Paris: Continuing Tradition and Changing Patterns*.// Ed. by Ebihara M., Mortland C., Ledgerwood J. *Cambodian Culture since 1975. Homeland and Exile*. Cornell University Press. 1994.
- ⁴⁹ Народом Сиамони короновался в 2004 г.
- ⁵⁰ Интервью автора 20.11.2010.
- ⁵¹ Первоначально храм назывался Кхпоп Та Йанг, в 1866 г. был переименован в Ботумвуатдей. См.: Harris I. *Cambodian Buddhism. History and Practice*. Honolulu, 2005, P. 108.
- ⁵² Наибольшее количество монастырей Тхаммаютики расположено в провинциях: Кампонг Спы, Баттамбанг, Такео и Кампонг Чам. См.: Кампуть Сорейя, № 1, 2006.С. 95.; Hun Sen. *Selected Comments at the Birthday Anniversary Celebration for Samdech Preah Abhiserei Sokunthea*

Вуо Кри, Maha Sangha Raja of Dhammayuttika Nikaya. 23.01.2011. // www.cnv.org.kh

⁵³ Интервью автора 19.11.2010.

⁵⁴ Интервью автора 12.11.2010, 19.11.2010. Секта действительно была образована по образцу сиамской «Тхаммаютики».

Список литературы

Агаджанян А.С. Буддийский путь в XX веке. М., 1993.

Водано Сонхан. История кхмерского буддизма. Пном Пенх. 2005. (на кхмер. яз.).

Заявление о принципах политики королевского правительства Камбоджи. Пном Пенх. 1993. (на кхмер. яз.).

Сафронова А.Л. . Буддизм в историко-культурной традиции Шри Ланки. М. 2005.

Harris I. Cambodian Buddhism. History and Practice. Honolulu, 2005.

Harris I. Buddhism under Pol Pot. Phnom Penh. 2007.

Kalab M. Cambodian Buddhist Monasteries in Paris: Continuing Tradition and Changing Patterns.// Ed. by Ebihara M., Mortland C., Ledgerwood J. Cambodian Culture since 1975. Homeland and Exile. Cornell University Press. 1994.

Kent A. Purchasing power and pagodas: The Sima monastic boundary and consumer politics in Cambodia. // Journal of Southeast Asian Studies, N 38, 2007

Ledgerwood J. Buddhist Practice in Rural Kandal Province, 1960 and 2003. // People of Virtue. Ed. Kent A., Chandler D. Copenhagen. 2008.

Moura J. Le Rouyame du Cambodge. P., 1883.

Pong Pheakdey Boramy. The Practice of Cambodian Buddhism before the 1970 and Today. A Comparative Case Study of Tep Pranam Pagoda. Phnom Penh. 2004.

Sou Ketya, Hean Sokhom, Hun Thirith. The ordination Ceremony of Buddhist Monks in Cambodia: Past and Present. Phnom Penh, 2005.

www.mocar.gov.kh

ПРЕССА:

Кампуть Сорейя (кхмер. яз.)

Кампучия Тхмей (кхмер.яз)

Нокорвуат (кхмер.яз.)

Пном Пенх Пост (кхмер.яз.)

Расмей Кампучия (кхмер.яз.)

Phnom Penh Post